

Эмре Эрсен

Неоевразийство и "многополярность" Путина в российской внешней политике

Emre Ersen

Neo-eurasianism and Putin's 'multipolarism' in russian foreign policy

Галактионов Максим Игоревич (перевод. с англ), аспирант ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет». E-mail: maxgoodvin@mail.ru

Galaktionov Maxim I. (translation from English), Postgraduate student of the Tambov State Technical University. E-mail: maxgoodvin@mail.ru

УДК 341.171

ББК 66.2

Г 15

Статья является переводом публикации Эмре Эрсен, опубликованной в 2004 году в *Turkish Review of Eurasian Studies*. Оригинал статьи: http://www.academia.edu/1048384/Neo-Eurasianism_and_Putins_Multipolarism_in_Russian_Foreign_Policy (дата обращения 04.05.2012).

Неоевразийство и "многополярность" Путина в российской внешней политике.

Возникнув в 1980-х и 1990-х годах в качестве политической оппозиции горбачевскому «новому мышлению» и проамериканскому сдвигу во внешней политике России в первые годы правления Бориса Ельцина, неоевразийство стало завоевывать все большее влияние в России, особенно с парламентских выборов 1993 года. «В отличие от коммунистов, мечта которых восстановить Советский Союз, и Националистов, которые видят своим идеалом достижение Великой России, [...] евразийцы выдвинули идею о “евразийской империи”, отличающуюся и от русской и от советской империй, и установленную посредством укрепления геополитической власти и формирования единого славяно-турецкого сообщества». Несмотря на то, что у коммунизма, национализма и евразийства есть некоторые важные различия относительно пути, которому Россия должна следовать в период пост-холодной войны, все они объединяются в одной из основных предпосылок евразийства: Россия должна вернуть себе статус великой державы и должна стать центром оппозиции американской односторонности в мировой политике.

В первые два года президентства Владимира Путина в России некоторые комментаторы утверждали, что российская внешняя политика была на пути к более националистической и реакционной позиции, особенно в части отношений между Россией и США. Наряду с милитаристским видением Путина решения чеченской проблемы и его все более и более авторитарными движениями против демократии внутри России, развивающееся российское стратегическое партнерство с Китаем, холодная атмосфера в отношениях между Россией и США в некоторых ключевых вопросах, таких как распространение ядерного оружия и второй раунд расширения НАТО, и заигрывания Путина со странами, названными как «страны-изгой» Вашингтоном – например, Иран, Ирак, Северная Корея и Куба – считались признаками намерения Путина следовать курсу евразийства в международных делах. Интересно отметить, тем не менее, что те же комментаторы утверждали сразу после трагических событий 11 сентября, что Россия и США были «стратегическими партнерами», и что Путин путем построения более тесных связей с западным миром в эпоху пост-11 сентября стал про-Атлантистом в своей внешней политике. Особенно одобрение Путиным установления американских военных баз в Центральной Азии было воспринято как сигнал о его предательстве евразийских идеалов.

Может ли Путин действительно считаться неоевразийцем? Является ли его политика «многополярности» прямым следствием его неоевразийской наклонности? Если это так, то почему он пытался построить более близкие отношения с США в период после 11 сентября? Является ли это реальным про-атлантизмом или же про-атлантизм Путина просто следовал из прагматичных тенденций в его внешней политике? Может быть, у него были подозрения с самого начала своего президентства о шансах России в последующей неоевразийской внешней политике? Это некоторые вопросы, на которых данное исследование попытается сконцентрироваться. Только найдя ответы на эти вопросы, можно судить о неоевразийской наклонности Путина в его внешней политике. Однако, чтобы найти такие ответы, следует внимательнее взглянуть на представления неоевразийства о российской внешней политике. Таким образом, сначала необходимо обратить внимание на некоторые основные элементы неоевразийской парадигмы относительно позиции России в новом контексте международных отношений. Мы будем учитывать мнение двух влиятельных обозревателей внешней политики России, Александра Дугина, теоретика, и Евгения Примакова, практика, чтобы оценить отношения Путина с неоевразийством в его внешней политике.

Ключевые элементы неоевразийских перспектив внешней политики России.

Андрей П. Цыганков из Московского государственного университета выделяет важные общие черты между евразийством и Западным реализмом в отношении их представлений о власти и их верой в войну как окончательное решение конфликтов. Однако, в отличие от реалистов, которые принимают государства-нации в качестве ключевых единиц в международных отношениях, евразийцы подчеркивают империи. Базируя свои интеллектуальные и политические идеи на классическом евразийстве 1920-х, которое фокусировалось на несовместимости между православно-татарской русской культурой и романо-германской европейской культурой, неоевразийцы принимают решение заменить этого романо-германского конкурента Атлантическим - дифференцирующимся между континентальной Европой и союзом между «островными» державами Великобритании и Америкой. Основывая свою парадигму строго на геополитическом подходе Хэлфорда Маккиндера и его комментариях о несовместимости «Центра» и «Периферии», неоевразийцы делают акцент на идее неизбежной войны между Атлантической империей во главе с Соединенными Штатами и евразийской империей во главе с Россией. Ссылаясь на атлантизм, они фактически обращаются к однополярному мировоззрению США, которое они вызывают «мондиалистическим». Против англо-американских попыток создать однополярное мироустройство, неоевразийцы считают, что Россия должна создать евразийский блок, состоящий из стран Европы и Азии, объединенных под лидерством новой формы русско-евразийской империи, охватывающей земли бывшего Советского Союза. Форма, которую эта новая империя примет, однако, является источником дискуссии среди самих евразийцев.

Цыганков разделяет неоевразийство (которое на самом деле он называет "жесткой линией" евразийства) на две школы. Первая, которую он называет Модернизаторы, имеет "ностальгию о распаде Советского Союза, и ближе к Западным реалистическим концепциям международных отношений". Эта группа полагает, что окончание холодной войны привело к упадку прежних супердержав - не только Советского Союза, но и США. Для них США "обречены снижаться", так как они не смогут долго существовать без главного врага. Они также прогнозируют, что вслед за снижением США, миру придется столкнуться с третьей мировой войной, после которой сферы влияния в мире будут перерисованы еще раз. Модернизаторы уверены, что эта мировая война уже началась, но так как Россия в настоящее время слишком слаба, чтобы противостоять такой борьбе, она должна сконцентрироваться на экономических и технологических улучшениях, вместо вступления в эту войну (которую они

считают полностью в интересах западного мира). Два важных участника этой группы - Александр Проханов и Шамиль Султанов. Эти два имени в настоящий момент являются основными спонсорами одного из самых влиятельных изданий евразийских идей – «Завтра» (которое ранее называлось «День» до того, как было закрыто российским правительством в 1993).

Другая группа, названная Экспансионисты, полагает, что мир продолжит быть биполярным, в соответствии с геополитическими правилами истории. Эта группа особая так как она возглавляется важнейшим идеологом текущего неоевразийского движения Александром Дугиным. Работая в «Дне» в течение некоторого времени вместе с Прохановым, Дугин затем расстался с газетой «День-Завтра» и стал редактором своего собственного евразийского журнала «Элементы». В то же самое время он является главой важнейшего политического движения в поддержку евразийства в России - Всероссийское, Политическое, Общественное движение "Евразия", которое было основано в 2001 году, чтобы привлечь российских лидеров евразийского пути. Приблизительно 71% российской общественности, все еще думающей, что Россия принадлежит к евразийской цивилизации, нужно, вероятно, обратить большое внимание на взгляды Дугина о «евразийском блоке».

Дугин следует основному геополитическому правилу Маккиндера: то, что непрерывный и основной геополитический процесс в истории всегда был борьбой между сухопутными, континентальными державами и островными морскими государствами. Он считает, что англо-американский союз составляет один полюс в современном мире против континентального полюса, который Россия привыкла создавать в течение многих столетий. Для Дугина задача России состоит в том, чтобы еще раз сформировать такой континентальный блок против Атлантических держав, используя обширный стратегический и демографический потенциал Евразийского континента. Так как русские управляют евразийским «Центром» и из-за геополитической необходимости и реальности, евразийский блок должен быть основан под руководством русских. Новая Российско-Евразийская Империя, которая будет включать в себя территории бывшего Советского Союза, но не базируясь на принципах территориальности или этнической принадлежности, может быть основана только против присутствия и предвидения «общего врага». Региональные противоречия между народами Евразии не являются значимыми. Против Атлантической угрозы, все другие конфликты в Евразии вторичны.

Как евразийский блок Дугина будет основан? Дугин рисует три оси: одна между Россией и Германией (и, возможно, Францией, до тех пор, пока эта страна остается далека от своей традиционной Атлантической предрасположенности), другая между Россией и Ираном, и заключительная между Россией и Японией. В то время как Германия и Япония могут предоставить Российско-Евразийской Империи необходимые экономические и технологические инструменты, Иран может действовать как важное звено между Империей и исламским миром – традиционным противником англо-американской политики – и между Империей и Персидским заливом, стратегическим выходом для доступа к морю. Что касается доступа Евразии к другому стратегическому выходу к морю, Тихому океану, Дугин считает, что незначительная ось могла бы также быть протянута в Индию, которая может действовать только в качестве «пограничной станции», поскольку Индия не имеет достаточной геополитической глубины, чтобы стать большой самостоятельной осью. Дугин полагает, что такой евразийский блок также будет выгоден для союзников, поскольку Россия будет предоставлять им свои огромные ресурсы сырья (особенно энергетические) и ядерный зонтик. Он также подчеркивает необходимость избежать участия евразийских стран с атлантическими тенденциями в евразийском блоке. Такими странами для Дугина являются

Китай, который он рассматривает как историческую базу для англо-американских действий против Евразии и Турции, которую Дугин называет страной, считающейся 'козлом отпущения' евразийцев из-за своей открытой атлантической наклонности. В интервью, опубликованном на своем сайте, *Eurazia.org*, Дугин вновь заявил, что Китай и Турция не могут принять прямое участие в Евразийском образовании и лучшим, что он мог бы предложить обеим странам, было бы расширить их сферы влияния на юг, оставляя регионы их севера к сфере влияния России.

Неоевразийское движение было не только ограничено теоретическими подходами Проханова и Дугина. В политической сфере евразийство на протяжении 1990-ых стало идеологией-«зонтиком» для политиков с совершенно разными идеологическими взглядами, сопротивляющихся прозападной политике Ельцина и его команды. Не следует забывать, что сегодня «Завтра» также служит в качестве «основного связующего звена для так называемого красно-коричневого движения, свободной коалиция националистически настроенных коммунистов». Другим сторонником евразийства как «идеологии-зонтика» является лидер Коммунистической партии Геннадий Зюганов, который часто цитируется в евразийском дискурсе. Книга 1999 года под редакцией Зюганова утверждает, что борьба между «Центром» и «Периферией» продолжается и что Запад стремится вмешиваться во внутренние дела России и уменьшать российское влияние на Содружество независимых государств (СНГ). Связывая коммунистические и евразийские рассуждения, он также пишет две книги в 1990-х годах, в которых выразил необходимость создания православного блока с тесными связями с радикальным исламом против Западного господства. Его концепция «державы» также сильно напоминает Российско-Евразийскую империю Дугина, хотя в отличие от империи Дугина, «держава» нацелена воссоздать Советский Союз как основное государство Евразии, простирающееся от Балтийского моря до Китая. По словам аналитика, «Зюганов использовал евразийство, чтобы повторно изобрести коммунистическую партию». Дугин соглашается с этим утверждением, поскольку он считает, что «основные идеи Зюганова заимствованы от [себя]» и что взгляды Зюганова являются просто «левой версией евразийства». Он также критически настроен по отношению к коммунистам в целом, потому что «они [коммунисты] потеряли свою способность подстрекать российскую общественность», и у них нет «новых идей о том, как построить государство, которое было бы в состоянии противостоять Западу». Вопрос о союзе с коммунистами против Путина, действительно, был главной причиной раскола между Дугиным и Прохановым – в то время как последний принимал решение примкнуть к Зюганову в политической сфере, вышеупомянутый поддерживал Путина. Однако, нельзя забыть, что сам Дугин был политическим советником другой ведущей фигуры Коммунистической партии и спикера Думы, Геннадия Селезнева.

Неоевразийство также привлекло определенный интерес русских политиков правого толка. Вероятно, самым известным из них является Владимир Жириновский, Либерально-демократическая партия которого добилась победы на российских парламентских выборах в 1993 году. Жириновского, как правило, недолюбливают неоевразийские теоретики. Например, Эдуард Лимонов, с которым Дугин основал неонацистскую Национальную Партию большевиков (национал-большевизм - который придает особое значение войне, насилию и революции - и евразийство влияли друг на друга) называет Жириновского «циничным и непостоянным оппортунистом». Дугин Жириновский также полагает, что Жириновский «покрывает правду насмешкой, как в постановке гротескного мультфильма». Тем не менее, идеи Жириновского о необходимости для России расширения на юг к Индийскому океану после восстановления себя в границах бывшего Советского Союза, и его

убеждение, что Запад духовно ослабляет Россию, напоминает евразийский дискурс. Сильная геополитическая вера Жириновского также может быть оценена фактом, что его партия однажды доминировала над комитетом геополитики в Думе.

Наверное, самым известным «евразийцем» среди специалистов-практиков внешней политики России является российский бывший министр иностранных дел и премьер Евгений Примаков. Примаков, который никогда публично не называл себя евразийцем, наиболее важный российский лидер, способный заложить основу для «многополярности», которой Россия, по его словам, должна следовать в период постхолодной войны, и его внешняя политика, очевидно, оказала значительное влияние на политику Путина. Почему Примакова называют «евразийцем», вероятно, потому, что его взгляды на «многополярность» и видение Дугина евразийства похожи друг на друга. Действительно, сам Дугин говорит, что «евразийство [...] это многополярный мир, предусматривающий сбалансированную конкретную систему полюсов и сил, которых должно быть больше, чем один».

В отличие от политики Ельцина сильно ориентированной на США во внешней политике, многополярность Примакова включала пять ключевых аспектов:

а) Россия должна продолжать защищать свою позицию великой державы в мировой политике (несмотря на все свои текущие слабости)

б) Россия должна следовать многомерной политике и развивать отношения не только с великими державами, такими как США, Китай и Европейский Союз (ЕС), но также с региональными силами такими, как Иран и Турция

в) Россия имеет очень важные карты в своем распоряжении, таких как уникальное геополитическое положение, владение ядерным оружием и постоянное членство в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций (ООН)

г) Россия должна наладить отношения с теми странами, которые также беспокоило растущая американская тенденция к однополярности

е) Нет постоянных врагов для России, но есть постоянные национальные интересы, таким образом, Россия должна «преследовать 'рациональный прагматизм', лишенный романтизма и невозможной сентиментальности», и она должна «смотреть гораздо дальше на пространство для 'конструктивного партнерства', особенно относительно Китая, Индии, и Японии, так же как Ирана, Ливии, Ирака и других».

Эти пять ключевых элементов «многополярности» впоследствии были приняты Путиным для руководства российской внешней политикой.

Неоевразийство и начальные внешнеполитические шаги Путина

Ельцин назначил Владимира Путина премьер-министром в 1999 году, а затем исполняющим обязанности президента в начале 2000 года. После избрания нового президента России в марте 2000 года, евразийцы первоначально приветствовали Путина за некоторые его мероприятия во внутренней и международной сфере. Тем не менее, следует отметить, что с самого начала своего президентства, Путин никогда не следовал полностью евразийской линейке в своей внешней политике.

То, что Путин осуществлял на внутреннем пространстве, кажется, более соответствует евразийским идеалам. Это прежде всего потому, что Путин, продолжая двигаться с либеральными экономическими реформами периода Ельцина, сохраняя большую часть рыночной экономической команды Ельцина у власти, начал демонстрировать авторитарные тенденции в ущерб демократии в России. Самой важной проблемой Российской Федерации в период президентства Ельцина было отсутствие политической власти Москвы над «олигархами» (группа бизнесменов, которые увеличили свое богатство, пользуясь главным образом коррумпированными способами, «шоковой терапией" экономической

либерализации), и лидерами 88 областей Российской Федерации за пределами Москвы. Через несколько лет то, чего Путин достиг, чтобы восстановить президентский контроль над федерацией, было впечатляющим: он устранил трех самых знаменитых олигархов ельцинской эпохи: Бориса Березовского, Владимира Гусинского и Михаила Ходорковского с экономической и политической арены; реорганизовал Российскую Федерацию в семь федеральных округов, каждый из которых должен был находиться под ответственностью президентского представителя и в 2000 году создал Государственный совет, подлежащий более мощному контролю со стороны президента; построил сильный базис в Думе – нижней палате российского парламента – через Единую Партию, которая была основана исключительно, чтобы поддержать лидерство Путина прямо перед выборами Думы 1999 года; увеличил контроль ФСБ (государственная служба безопасности) на независимые средства массовой информации и общество и не оставил места для критики его резкого военного ответа на чеченскую проблему, вопрос, который привел Путина к президентству и который продолжает быть очень значимым с точки зрения сохранения территориальной целостности России.

Что касается экономики, Путин даже заявил, что Россия будет активно работать для привлечения иностранных инвестиций и обеспечения благоприятных внешних условий для формирования рыночной экономики. Он также назначил Михаила Касьянова, бывшего министра финансов известными своими либеральными тенденциями, в качестве нового премьер-министра. На первый взгляд экономические меры Путина, казалось, находились в противоречии с неоевразийской мыслью, но это было не так. Несмотря на склонность к усилению авторитаризма и государственного контроля над экономикой, неоевразийцы также не исключают полностью достоинств либерального капитализма в глобализирующемся мире. Глеб Павловский, политический советник Путина, уже суммировал евразийское видение в 1999 году, заявив, что «про-рыночный, но более консервативный лидер, который в состоянии способствовать ‘государственному потенциалу либеральных ценностей’ мог бы командовать большинством в следующих президентских выборах». У Павловского до недавнего времени были близкие отношения с Дугиным, и этот факт подчеркивает влияние неоевразийцев на политику Путина. Кроме того, сам Дугин также обозначил Путина «воплощением евразийской модели капиталистического этатистского развития».

Решительная позиция Путина против олигархов и его шаги по увеличению центральной власти в России были успешными в борьбе с широко распространенной коррупцией и в дальнейшем восстановлении экономики (хотя рост мировых цен на нефть также очень помог) после экономического шока 1998 года. Эти пункты помогли Путину поддержать свою популярность российской общественностью – главная причина и его переизбрания 2004 года на пост президента России и победы Единой партии на парламентских выборах 2003 года. Внешняя политика Путина также включала некоторые неоевразийские элементы. В своей речи в июле 2000 года, он сказал, что сделает все, чтобы «вернуть стране ее позиции великого государства», а в его концепции внешней политики 2000 года, он заявил, что одной из основных проблем для России является «растущая тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США». Его использование «многполярности» Примакова во внешней политике, казалось, соответствовало евразийским идеалам. В связи с этим его слова в ноябре 2000 года, что «Россия всегда чувствовал себя как евразийская страна» приветствовали Дугин и его последователи.

Но взгляд в прошлое, показывает, что скорее, чем евразийцем, Путин с самого начала был достаточно прагматичным, чтобы оценить эволюцию российской власти по отношению к американским властям в эпоху после окончания холодной войны. Ельцин, который был

разочарован Западным отношением к России, особенно во время его второго президентства, воссоздал миссию подобную той, которую выполнял Советский Союз во время холодной войны, и желал создать российскую экономическую и военную мощь, равную США. Путин знал, что он должен был действовать более прагматично, а не двигаться в сторону ультранационалистической и реакционной внешней политики. На самом деле, ему нужно было следовать политике, учитывающей то, что русские внесли лишь 1,5 процента в глобальный ВВП за последние 10 лет, в то время как США внесли 21 процент. Было ясно, что в 1990-х годах Россия, с ее текущими экономическими и военными слабостями, не могла самостоятельно составить полюс против США. Это прагматическое обоснование было, вероятно, за пересмотр Путиным «многополярности в мировой политике» Примакова и, следовательно, его попытки уравновесить сверхдержаву США с другими великими державами, такими как Китай и ЕС.

Оставаясь противоречащей евразийским идеалам, однако, политика «многополярности» Путина с самого начала также не исключала активизацию отношений между Россией и США. Фактически, холодные отношения между двумя странами в первый год президентства Путина, который поддержал евразийскую точку зрения в том, что российские и американские интересы были несовместимы друг с другом, происходили в основном из-за политики, проводимой новым президентом США Джорджем Бушем. Жесткая позиция Буша и к России, и к Китаю, который продемонстрировал себя в своей преданности, не отстранившись от расширения НАТО на Балтийские страны или отказа от национальной противоракетной обороны (НПРО), стояла на пути сближения между Москвой и Вашингтоном в то время. Изгнание нескольких российских дипломатов из посольств в посольствах США по обвинению в шпионаже, обещания администрации Буша наказать Россию за нарушения прав человека в Чечне и американский самолет-разведчик, который был сбит, собирая разведку в китайском воздушном пространстве, все свидетельствовало о новой жесткой политике администрации Буша по отношению к России и Китаю. Новые американские президентские шаги, казалось, доказали российской общественности, что неоевразийцы были действительно правы, утверждая, что США пытались сформировать однополярный мир и поэтому следует бороться.

Хотя более спокойно, чем Буш в оценке новых российско-американских отношений, Путин – как про-евразиец – неоднократно заявлял, что новая американская политика по отношению к России была неприемлема. Он продемонстрировал это посредством немедленного подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве с Китаем в июле 2001 года. Кроме того, он заявил, что второй раунд расширения НАТО создаст новую «Берлинскую стену в Европе». Он также открыто угрожал отменить все ядерные соглашения, подписанные с США - включая СНВ-I и II - в случае, если США реализуют ранее заявленное желание выйти из Договора по ПРО 1972 года, в соответствии с которым США и Советский Союз согласились сократить число ядерных боеголовок, предназначенных для оборонительных целей. Более того, он стремился наладить активные отношения с такими странами, как Иран, Ирак, Ливия, Куба и Северная Корея, которые были названы «государствами-изгоями» бывшей администрацией США и которые были самыми вероятными целями ПРО. Экономическое и ядерное сотрудничество с Ираном продолжалось (как видно из отказа Путина от соглашения «Гор-Черномырдин» 1995 года, которое включало российское обещание остановить ядерную помощь Ирану), Россия и Северная Корея подписали важные технические и экономические соглашения о сотрудничестве. Все они были в соответствии с идеями Дугина о новых осях, которые будут сформированы против американской однополярности в мире.

Однако, несмотря на все реакции Путина, попытки администрации Буша представлять себе однополярный мир не исчезли. Следовательно, отказ Буша принять участие в глобальных инициативах сотрудничества, таких как Киотское соглашение по глобальному потеплению, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и Международный уголовный суд, демонстрирует однополярную наклонность во внешней политике США. Путин прекрасно понимал, что главной причиной неуважения США к действиям России была разница между соответствующей экономической и военной мощью стран – разрыв, который расширился за счет Москвы на протяжении 1990-ых. Но выравнивание этого ‘пробела власти’ через стратегическое партнерство между Россией и Китаем, казалось, не обещало многого для Путина.

Прежде всего, такое партнерство могло быть разрешено только шагами, которые сделает Китай, а не Россия. Например, несмотря на все меры, принятые для стратегического партнерства, доля России в китайской внешней торговле могла составить только 1.6%, что почти одна десятая объема торговли между Китаем и США. Кроме того, Китай, похоже, был не слишком заинтересован в создании евразийского блока, поскольку отклонил российский план в апреле 2001 года включить Индию в российско-китайское партнерство.

С другой стороны, известно, что ключевым элементом внешней политики Путина всегда было экономическое развитие России. Финансовый крах 1998 года нанес ущерб российской экономике, которая уже была в отчаянном положении. Утверждалось даже, что «России, возможно, потребуется 40 лет, чтобы вернуть статус страны со средней экономикой». В этой связи задачи сделать Россию членом Всемирной торговой организации (ВТО) и повысить доверие к России в глазах иностранных инвесторов стали двумя жизненно важными целями внешней политики Путина. Но реализация этих желаний, в значительной степени, тесно связана с развитием отношений между Россией и мировым экономическим лидером, США. Как подчеркнул российский аналитик, Путин начал понимать, что «нравится ли нам [русским] это или нет, наши возможности в остальном мире во многом определяются нашими [российскими] отношениями с Соединенными Штатами».

По мнению некоторых комментаторов, причины поиска Путиным точек соприкосновения с США были связаны исключительно с национальной ПРО. Для них, Россия должна была быть против ПРО, так как российские лидеры хорошо знали, что они не имеют необходимых экономических и технологических источников для создания подобного проекта. Оставление Путиным российских моряков умирать в Курской субмарине в 2000 году из-за технологической недостаточности подтверждает данное предположение.

Вероятно, все эти причины вынудили Путина следовать более умеренной политике в отношении США. Усилия Путина по ратификации СНВ II в апреле 2000 года, которую откладывали в течение длительного времени в Думе, могли быть приняты в качестве шага для начала восстановления отношений с США. У Путина также была популярная основа для этого сближения, поскольку опрос, проведенный в марте 2001 года, продемонстрировал, что 83% российской общественности полагают, что Россия должна развить свои отношения с США и только «14% согласились с позицией неоевразийцев [...], что Россия должна создать коалицию стран против НАТО». Возможность, которую ждал Путин появиться в результате террористических атак на США 11 сентября 2001 года.

Теракты 11 сентября: Атлантический сдвиг Путина?

В России было две группы каждая со своей собственной оценкой терактов 11 сентября. Первая группа, во главе с Дугиным и евразийцами, выразили соболезнования жертвам нападений, но не американскому правительству. Эта группа считала, что США своей политикой в 1990-х годах на территории бывшей Югославии и арабо-израильским

конфликтом поощряет международный терроризм. Дугин даже предупредил российских лидеров, «Террористические атаки будут использоваться США, чтобы развернуть кампанию против антиглобалистских сил для обеспечения однополярного порядка».

Вторая группа во главе с прагматиками, включая Путина. Эта группа думала, что теракты 11 сентября могли стать поворотным моментом в отношениях Россия-США и могли обеспечить некоторую легитимность в глазах Запада относительно российской Чеченской войны, которая часто была причиной многочисленных нарушений прав человека. Россия в течение долгого времени уже называла свою войну в Чечне «борьбой с исламским терроризмом». В этом отношении, для Путина, инцидент 11 сентября означал присоединение США и Запада к собственной войне России против терроризма. Кроме того, поскольку Россия обвинила человека, предположительно стоявшего за терактом 11 сентября, Усама бен Ладена, в предоставлении помощи чеченским боевикам, 11 сентября могло объединить Россию и США против общего врага. Интересно заметить, что практически во всех выступлениях Путина сразу после терактов 11 сентября, была предпринята попытка установить сходства между войной России в Чечне и войной США в Афганистане. Путин часто называл обе войны «борьбой между цивилизованным человечеством и варварами».

Таким образом, Путин, несмотря на все противодействие со стороны евразийцев, и, по мнению некоторых, играя в серьезную авантюру, решил оказать безоговорочную поддержку американской войне в Афганистане. Следовательно, было не очень трудно для него получить то, что он хотел после 11 сентября. США, которые ранее были очень критичны относительно нарушений Россией прав человека в Чечне, сразу после объявления Путиным поддержки войны против террора, заявили, что "Чеченское руководство, как и все ответственные политические лидеры в мире, должны немедленно и безоговорочно сократить все контакты с [...] с Усамой бен Ладеном и Аль-Каидой ".

То, что Путин был первым лидером, позвонившим Бушу, чтобы выразить свою поддержку после 11 сентября, было неожиданностью для евразийцев. Но что было более удивительным – действительно, шокирует – это уровень российской поддержки американской войны в Афганистане. Фактически, американское вмешательство в Афганистан не было полностью против российских интересов в Центральной Азии, напомнив, что одной из главных причин создания Шанхайской пятерки было предотвращение радикальных исламских движений в регионе, которые, главным образом, были поддержаны Талибаном. В то время как Россия рассматривала чеченцев как исламских террористов, у Китая было то же самое представление к уйгурам в Восточном Туркестане. В этом отношении были важны слова замминистра иностранных дел России А.П. Лосюкова: «Ни Китай, ни мы сами не испытываем радость от американского военного присутствия, возникающего в Центральной Азии ... [Но] мы не могли противостоять этим [террористическим] угрозам самостоятельно или с помощью Китая [...]. Стало возможным ликвидировать эту угрозу с помощью американского вмешательства».

Пугающим для евразийцев было то, что Путин, во имя поддержки войны в Афганистане, и, несмотря на оппозицию со стороны Министерства обороны России, позволил США получить военные базы и стационарные войска в Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане. Российская доктрина 1990-х «Ближнее зарубежье» была направлена на предотвращение установления сферы влияния любой власти, кроме России в постсоветском пространстве. Тем не менее, Путин явно дискредитировал аргументы евразийцев, утверждая, что «если Россия станет полноправным членом международного сообщества, не нужно и не стоит бояться развития отношений своих соседей с другими государствами, в том числе развития отношений между Центрально-азиатскими государствами и Соединенными Штатами».

Это также спорно, хотя, был ли у Путина какой-либо другой шанс, кроме как поддержать США в войне в Афганистане в связи с увеличивающимся «мощным пробелом» между Москвой и Вашингтоном. Путин признал этот факт, говоря, что Россия, впервые в своей истории столкнулась с угрозой падения во вторую или третью лигу среди мировых держав. Кроме того, поддерживала ли это Россия или нет, США были полны решимости свергнуть режим в Афганистане. С другой стороны, страны региона казались очень заинтересованными в получении американской экономической и военной поддержки в период после 11 сентября. Ближайший союзник США в регионе, Узбекистан, уже был одной из немногих стран в мире, объявивших безоговорочную поддержку всем американским мерам во внешней политике еще до 11 сентября.

Узбекистан знал, что альтернативой американскому военному присутствию могло быть только принятие российско-китайского влияния в регионе. Фактически, причина, почему Узбекистан должен был стать участником Шанхайской пятерки – которая была в 2001 году переименована в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) – состояла в том, что США до 11 сентября не предоставили Узбекистану желаемую поддержку в борьбе Ташкента с Исламским движением Узбекистана (ИДУ). Другие государства Центральной Азии, которые также чувствовали себя все более находящимися под угрозой радикальных исламских движений в регионе, аналогично должны были дать свое согласие на российско-китайское влияние, осуществляемое через Шанхайскую пятерку. Гражданская война в Афганистане и поддержка Талибаном радикальных исламских движений в соседних государствах создали важную проблему безопасности для всех государств Центральной Азии. Таким образом, государства Центральной Азии пришли к убеждению, что вмешательство США в Афганистан могло устранить и проблему Талибана и превратить США в важный региональный фактор балансирования против России и Китая.

Границы российско-американского сближения, однако, вскоре выходят на первый план, первым примером является кризис в отношениях между Москвой и Тбилиси по Панкисскому ущелью Грузии, когда правительство России обвинило грузинское правительство в неэффективности против деятельности чеченских боевиков в Панкисском ущелье. Согласно одному аргументу, Россия фактически надеялась получить пространство для маневра над Грузией в обмен на свое согласие на американское вмешательство в Ирак. В этом Россия была определенно разочарована. В феврале 2002 США объявили, что они собираются послать своих собственных военных специалистов в Панкисское ущелье и таким образом предотвратили возможное российское вмешательство в Грузию и показали Москве, что Вашингтон поддержал грузинское правительство. Против этой американской демонстрации власти Путин принял решение не нагнетать напряженность и принял условия США по Грузии.

Разочарование Путина в сближении России-США продолжилось в отношении других источников напряженности между Россией и США периода до 11 сентября. Например, США вышли из Договора по ПРО в июне 2002 года. Путин рассматривал этот шаг, но он надеялся, что такое развитие событий могло, по крайней мере, дать России больше сказать по ПРО. Однако, мало того, что США шли дальше со своим проектом ПРО, Россия также должна была быть довольна неопределенным Московским соглашением, ограничившим число ядерных боеголовок, которые эти две страны могли приобрести к декабрю 2012 между 1700 и 2200. Это соглашение было фактически противоречило идеям Дугина, так как Дугин полагал, что одна из лучших карт, которыми Россия обладала в ее борьбе с Атлантическими силами, был ее ядерный арсенал.

Другим разочарованием для Путина был второй раунд расширения НАТО на страны Балтии. Россия долгое время была против включения стран Балтии в НАТО. Для Путина, если международный терроризм является общим врагом Запада и России, НАТО не должно чувствовать необходимости расширяться далее на восток. В каждом случае Путин подчеркивал Совет Безопасности ООН и ОБСЕ – поскольку Россия была членом в обоих из них – вместо НАТО в вопросах безопасности в эпоху после окончания холодной войны. Во время визита в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе в октябре 2001 года, Путин подчеркнул свою точку зрения по отношению к НАТО, заявив, что Россия не исключает более тесного партнерства с НАТО в случае, если альянс превратился в политический, а не военный механизм. Соглашение, подписанное между Россией и НАТО в мае 2002 года – утверждало, что зарегистрировало Россию 20-м членом Альянса – могло быть реализовано при таком подходе Путина. Но это соглашение стало еще одним разочарованием для России. Новый Совет НАТО-Россия, заменяющий старый Совместный постоянный совет (СПС), который был основан в 1997 году, хотя и выгодный для России в некотором отношении, все еще не включал права вето для России на решения, принимаемые НАТО. Эта ситуация создала вопросительные знаки об удовлетворении Россией расширением НАТО второго раунда, которое состоялось в октябре 2002 года.

Несмотря на разочарование по поводу вопросов политики и безопасности, можно было бы утверждать, что Путин был удовлетворен некоторыми из своих ожиданий в отношении экономических вопросов. В мае 2002 года ЕС и США признали российскую экономику рыночной экономикой и в июне того же самого года, Большая восьмерка объявила свое решение принять Россию в качестве полноправного члена. Также не будет удивительно для России получить членство во Всемирной торговой организации – цель, которой Путин уделяет первостепенное значение – в ближайшем будущем. Тем не менее, сами по себе экономические выгоды не будут достаточными, чтобы продвигать восстановление отношений между Россией и США в период после 11 сентября. Это просто потому, что США продолжили идти своим собственным путем, не уделяя внимания российским возражениям во многих других важных областях, таких как объединенное англо-американское вмешательство – утверждение подхода евразийцев – в Ираке в 2003 перед лицом оппозиции со стороны Китая, Франции и Германии, так же, как и России. Американская Стратегия Национальной безопасности сентября 2002 года также заявила, что США «не должны смущаться действовать в одиночку, чтобы осуществить наше [американское] право на самооборону, действуя упреждающе».

Американское вторжение в Ирак было поворотным моментом в осуществлении Путиным политики многополярности. Отец-основатель многополярности Примаков заявил, что Ирак стал первой страной, которая падет жертвой американской «односторонности». Путин, следуя примеру Примакова, возвратился к укреплению своих связей с Китаем, ЕС и странами, входящими в «Ось зла» президента Буша – а именно, Ираном и Северной Кореей. Интересно, что это возвращение совпало с заявлениями Игоря Иванова в конце 2003 года, что Россия все еще видит НАТО как потенциальную угрозу, и что американцы не были ни врагами, ни друзьями русских. В результате Путин вновь заявил о своей вере в многосторонние организации, таких как ООН и в важность укрепления отношений с региональными властями, такими как ЕС, СНГ и ШОС. Похоже, Путин понимал, что успех «многополярности» будет в основном зависеть от отношений России с этими тремя региональными учреждениями.

Многополярность и отношения России с «евразийскими» державами:

В политике многополярности у появляющегося гиганта, Китая, несомненно, центральная роль. Здесь, Путин снова действовал прагматическим способом и вместо того, чтобы следовать евразийской консультативной помощи и укреплять отношения с Японией, он двигал возрастающую китайскую супердержаву. Не смотря на то, что он также подписал очень значительный План действий с Японией в январе 2003 года из-за таких вопросов, как ситуация Курильских островов, отсутствие мирного договора между Россией и Японией после Второй мировой войны и мощная японская поддержка американской политики относительно Ирака и Кореи, отношения между Москвой и Токио оставались далеки от стратегических. Как заявил один российский аналитик: «Тень отношений союзника [Японии] с Соединенными Штатами во многом определит уровень и пределы русско-японского сотрудничества».

По этим причинам Китай – а не Япония – был лучшим многополярным партнером. Путин также нашел подходящую почву для этого, поскольку отношения между Россией и Китаем развивались в стратегическое партнерство с 1996 года. Поворотным моментом для этого стратегического партнерства стало создание Шанхайской пятерки, механизма с участием Китая, России и Центрально-азиатских государств Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана в ответ на сепаратизм и фундаменталистский Ислам. Механизм был интересен, поскольку он ознаменовал конец решительной позиции России 1990-х быть единственным брокером власти в постсоветском пространстве. Путину, признавшему тот факт, что он не мог стоять один на один против быстрого увеличения американского влияния в регионе, пришлось взять Китай на сторону России, пытаясь удержать российское влияние в регионе путем создания Шанхайского механизма. Некоторые комментаторы утверждали, что 11 сентября на самом деле ослабило стратегическое партнерство между Россией и Китаем, поскольку США окружили Китай, увеличивая свое влияние на Центральную Азию через союзы с Пакистаном, Японией и Россией. Тем не менее, даже если это предложение будет принято за истину, более вероятно, что отношения между Россией (чьи главные надежды после 11 сентября не оправданы, несмотря на поддержку американской войны в Афганистане) и Китаем (который чувствует себя в окружении американского влияния) станут еще ближе, а не более отдаленными. С другой стороны, особенно после октябрьского кризиса 2002 года, когда силы Путина убили российских гражданских заложников вместе с чеченскими боевиками во время штурма Московского театра, Запад возобновил свои критические замечания по Чечне. Это могло привести к более глубокому пониманию между Россией и Китаем относительно их проблем с сепаратизмом в Чечне и Восточном Туркестане.

Китай также имеет важное преимущество, которым Япония в настоящее время не обладает: постоянное место в Совете Безопасности ООН. Совет Безопасности ООН продолжает оставаться важной платформой не только для России и Китая, но и для Франции, чтобы противостоять американской односторонности. Как видно из последнего иракского кризиса, консультации трех стран в рамках этого механизма имеют жизненно важное значение в достижении политики многополярности. Другим эффективным механизмом сотрудничества между Китаем и Россией оказалась ШОС. Помимо Туркменистана, эта организация включает в себя все государства Центральной Азии и, в последнее время, другая региональная держава, Индия, выразила свою заинтересованность в присоединении к ШОС. Тем не менее, предыдущее предложение Примакова, ось Москва-Пекина-Нью-Дели, не осуществилось, несмотря на соглашение в октябре 2000 года о стратегическом партнерстве между Россией и Индией. Это произошло главным образом потому, что отношения между Китаем и Индией продолжают оставаться сдержанными в силу исторического отсутствия

доверия между двумя государствами и китайской поддержкой Пакистана, традиционного врага Индии.

Что касается отношений с ЕС, министр иностранных дел России Игорь Иванов уже заявил, что «Россия рассматривает отношения стратегического партнерства с Европейским Союзом в качестве одного из главных приоритетов». Для российских лидеров, очевидно, ЕС имеет более позитивный образ, чем НАТО. Поэтому в рамках многополярности отношения Россия-ЕС получили развитие в президентство Путина, хотя они по-прежнему в основном сосредоточены на экономических и энергетических вопросах. Это, вероятно, потому, что около 40% внешней торговли России осуществляется с ЕС, в то время как 70% экспорта России фактически получены из экспорта ее природных ресурсов, 21% импорта нефти Евросоюза и 41% газового импорта ЕС прибывает из России. В июле 2002 года на саммите Большой восьмерки президент Путин подчеркнул свое намерение использовать энергоресурсы в отношениях России с другими странами, заявив, что Россия, которая порой производит и экспортирует нефти больше, чем Саудовская Аравия, намерена «гарантировать постоянный поток нефти на мировые рынки и превратиться в надежный образец глобальной стабильности цен».

Кроме экономики и энергии, политические отношения между Россией и ЕС – особенно с Францией и Германией – также убыстрились в срок пребывания Путина. Наиболее разглашенным аспектом этого сближения было сотрудничество (часто называемое 'Тройкой') между Россией, Германией и Францией в их оппозиции американскому вторжению в Ирак в 2003 году. Игорь Иванов назвал эту трехстороннюю инициативу «новым явлением в мировой политике, значение которого выходит за пределы иракского кризиса». Что касается области безопасности, две важные темы в отношениях между Россией и ЕС – Европейская политика безопасности и обороны (ЕПБО) и статус Калининграда – не создавали настоящей проблемы. Хотя Россия неоднократно подчеркивала необходимость превратить ОБСЕ, а не НАТО или ЕПБО - в главный орган европейской безопасности, это тем не менее не вызывало возражения по процессу ЕПБО. Фактически, официальный российский стратегический документ на эту тему рассматривал ЕПБО как позитивный процесс, так как он соответствовал российской политике многополярности. Тем не менее, Россия по-прежнему стремится к тому, чтобы ЕС получал одобрение или от ООН, или от ОБСЕ для проведения военных операций в соответствии с ЕПБО. Калининградская проблема также была наконец решена на саммите Россия-ЕС в ноябре 2002 года, когда ЕС предоставил официальное признание особого статуса российских граждан эксклава. Теперь нерешенными проблемами между ЕС и Россией, кажется, были только критика ЕС российской демократии, российско-чеченский конфликт и недостаточные данные о правах человека в России.

Что касается стран СНГ и особенно ее участников Центральной Азии, которые составляют основу Российско-Евразийской империи, события после 11 сентября, вероятно, не понравились бы неоевразийцам. Сохранение влияния России в Центральной Азии является очень важным для неоевразийцев, так как регион граничит с Россией и Китаем - двумя официальными ядерными державами - и через Иран и Афганистан есть доступ к Индийскому океану и Персидскому заливу, двум выходам для евразийской империи Дугина. На протяжении 1990-х годов Россия поддерживала доктрину «Ближнего зарубежья», которая предусматривала огромную важность СНГ для безопасности России и русскую мечту еще раз стать великой державой. Однако, кажется, что члены СНГ отказываются следовать за курсом Дугина даже в строительстве Евразийского союза, не говоря уже о Российско-Евразийской империи. Различия взглядов, которых придерживаются участники СНГ по большей интеграции в Евразии, усложняют понимание Неоевразийской империи. Например, в то

время как Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан проводят политику поддержания тесных связей с Россией, Узбекистан попытался позиционировать себя в качестве регионального лидера, раздражая Казахстан, который имеет аналогичное желание, и Туркменистан, который через свою политику «позитивного нейтралитета» воздержался от региональных союзов. Некоторые другие члены СНГ - Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова - уже основали инициативу ГУАМ, чтобы противостоять доминированию России в СНГ и строить стратегические отношения с США и НАТО. Позже, Узбекистан присоединился к этой инициативе, и ГУУАМ стал крупным центром сопротивления России в СНГ. Белоруссия и Армения, с другой стороны, полностью зависят от Москвы с экономической, политической и военной точек зрения (Белоруссия начала процесс экономического объединения с Россией в 1997 году, и Армения зависит от помощи Москвы из-за ее спора с Азербайджаном по Нагорному Карабаху).

СНГ, с другой стороны, не может стать чем-то большим, чем свободный консультативный механизм, вопреки российским желаниям сделать СНГ продолжением Советского Союза. Например, одна из наиболее важных мер в СНГ, Ташкентский договор о Коллективной безопасности, подписанный в мае 1992 года, включал всех участников СНГ кроме Украины, Молдовы и Туркмении, однако, он не стал большим, чем инструмент, с помощью которого Россия поддерживала свое региональное влияние. Это произошло главным образом потому, что Ташкентский механизм пострадал от нехватки войск и финансирования. Фактически, «Россия является единственным государством, подписавшим документ, способным в полной мере отвечать оборонным требованиям соглашения». Зависия исключительно от российской военной мощи, единственным авторитетным достижением Ташкентского договора стало приостановление гражданской войны в Таджикистане. Соглашение было далее дискредитировано, когда Грузия, Азербайджан и Узбекистан вышли из него, отказавшись продлить его срок. Картина стала более сложной, когда в июне 2002 года Узбекистан вышел из ГУУАМ, утверждая, что партнерство остается слишком неэффективным, а затем вернулся к Ташкентскому договору и стал членом ШОС. Украина, Грузия и Азербайджан, с другой стороны, заявили о своих намерениях стать членами НАТО. Но Украина позже решила урегулировать свои разногласия с Москвой, убрав вопрос о членстве в НАТО со своей повестки дня.

Как отмечалось ранее, Кыргызстан и Таджикистан, самые близкие региональные союзники России, теперь принимают американские базы и войска. Среди государств Центральной Азии, Казахстан выступает в качестве единственной страны, сохраняя свой сильный союз с Россией, и это ближе всего из участников СНГ к идее Евразийского союза. Действительно, идея Евразийского союза была выдвинута казахским президентом, Нурсултаном Назарбаевым, еще в 1994 году. Известность Назарбаева в евразийском движении всегда заметна, так как он пытается принять участие почти в каждой региональной инициативе для реализации более глубокой интеграции на евразийском пространстве. На самом деле, еще в 1991 году именно Назарбаев прилагал наибольшие усилия по включению стран Центральной Азии в систему СНГ. Однако и Узбекистан, и Туркмения оставались отдаленными от предложений Казахстана по Евразийскому союзу. Например, оба государства приняли решение не участвовать в конференции Назарбаева 1994 года по Евразийскому союзу в Алма-Ате.

Возможности создания Евразийского союза, с другой стороны, кажутся положительными в экономической области. Слова российского заместителя министра иностранных дел, Алексея Мешкова, в 2002 году также указали на российское желание создать Евразийский союз через Евразийское Экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и экономический союз между Россией и

Белоруссией. В регионе есть два главных механизма экономического сотрудничества. Одним из них является Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), которое превратило себя в Центрально-Азиатское сотрудничество (ЦАС) в июле 2002 года. Его участниками является Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан, и в нем рассматриваются вопросы, связанным с безопасностью и экономической интеграцией ее членов. Более существенной организацией экономического сотрудничества является Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), основанное в 2000 году, которое является наиболее перспективным из всех региональных проектов экономической интеграции. ЕврАзЭС является прямым следствием отсутствия улучшений в создании единого экономического пространства между всеми участниками СНГ. Вместо этого Россия, Белоруссия и Казахстан подписали в 1995 году соглашение о Таможенном союзе, к которому позже присоединились Кыргызстан и Таджикистан. Таможенный союз превратился в ЕврАзЭС и в последующие годы. ЕврАзЭС стремится создать единого экономического пространство в Евразии и находится под влиянием идей Н.Назарбаева о Евразийском союзе. Для Назарбаева, ЕврАзЭС, очевидно, должно развиваться по пути, подобному ЕС. В настоящее время ходят слухи, что Украина вскоре может стать членом ЕврАзЭС. Сам Дугин выражает надежду на ЕврАзЭС, говоря, что эта структура могла бы быть важным шагом на пути реализации Евразийского союза, и он указывает на Германский таможенный союз и ЕС как примеры.

Дополнительным фактом нечеткости картины в Евразии является то, что: все пять государств Центральной Азии являются членами Организации экономического сотрудничества (ОЭС), восстановленной Ираном и Турцией после холодной войны; Россия и Туркменистан являются членами Каспийского Совета по сотрудничеству, который был основан прикаспийскими государствами, чтобы урегулировать правовой статус Каспия; Россия, Молдова, Украина, Грузия, Азербайджан и Армения являются членами Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), другого регионального проекта экономической интеграции. Это сложное переплетение отношений между евразийскими странами делает сложным понимание Евразийского союза. Кроме того, нет одной единственной организации, которая включает все евразийские государства, уже не говоря обо всех главных региональных властях – России, Китая, Индии, Ирана и Турции. Более того, некоторые страны часто перемещаются между региональными блоками – Узбекистан и Украина являются наиболее яркими примерами, некоторые другие – как Туркменистан – стараются избегать любого вида активного участия в таких региональных инициативах. После американского участия в Центральной Азии перспективы создания евразийского союза стали намного более сложными, поскольку Центрально-азиатские страны начали увеличивать свои экономические, политические и военные связи с Атлантическими, а не евразийскими властями.

Заключительные комментарии

Про-атлантический или нет, Путин по-прежнему пользуется значительной российской общественной поддержкой. Это также очевидно из почти 79% российского рейтинга одобрения его общей внешней политики, и его переизбрания на пост президента в 2004 году. Но это также, вероятно, потому, что Путин оказался весьма успешным в объединении различных политических направлений во внешней политике России. Большую часть времени он действовал как прагматик и использовал возможности для продвижения позиции России в отношениях с другими странами независимо от доминирующей политической точки зрения. Даже Дугин хвалит Путина за его успехи в объединении трех доминирующих политических тенденций в России: атлантизма, евразийства и про-советизма. Однако это, вероятно, также

открытое признание разочарования Дугина во внешней политике Путина за последние пять лет. Дугин последний раз оценил эффективность работы Путина через евразийскую линзу. Он похвалил Путина за его шесть достижений: предотвращение распада России на Кавказе; меры против региональных лидеров и Совета Федерации; создание федеральных округов, непосредственно связанных с центром; борьба против олигархов; создание ЕврАзЭС и Единого экономического пространства; и включение понятия «многополярного мира» в российскую Концепцию национальной безопасности. Но в то же самое время, он раскритиковал Путина за неопределенность его поведения по отношению к США, его отказ остановить радикально-либеральную парадигму в экономике и его общую неспособность серьезно принять евразийскую идеологию.

Оценка Дугина является явным проявлением неспособности евразийцев полностью влиять на выбор президентом России его внешнеполитических концепций. Но это не значит, что Путин стал про-атлантистом в период после 11 сентября. Его намерение построить более тесные связи с США, вероятно, исходило от его понимания экономической и военной слабости России в эпоху после окончания холодной войны. На самом деле, пытаясь удержать Россию от конфронтации с США, Путин действовал в соответствии с Модернизаторами Проханова, даже если не Экспансионистами Дугина, в том смысле, что он успешно избежал третьей мировой войны с Атлантическим блоком. В этом отношении многополярность Путина, кажется, больше соответствует пониманию Модернизаторов мировой политики в период после холодной войны. Дилемма в том, что это были не Модернизаторы, но Экспансионисты, которые вложили многое в президентство Путина.

Путин также предпринял наиболее серьезные шаги в продвижении Примаковской политики многополярности в соответствии с неоевразийскими взглядами. В иракском кризисе он действовал вместе с Францией и Германией в оппозиции. То, что Дугин не любит в многополярности Путина, это по всей вероятности, рассмотрение Путиным США тоже в качестве важного полюса. Это также, вероятно, потому, что в отличие от других двух стран Тройки, Россия могла поддержать определенную степень взаимопонимания с США. Знаменитая американская позиция по Тройке «наказать Францию, игнорировать Германию, простить Россию» – как подытожила новый государственный секретарь США Кондолиза Райс, – хороший пример достижения Путиным сохранения США в рамках своей многополярной системы.

Все же сохранение американского элемента не значило становления про-атлантическим. Путин четко продемонстрировал этот факт, как только он понял, что российско-американское стратегическое партнерство не может решить все проблемы для России в ее международных отношениях. Правда, что российско-американское сближение достигло своего апогея сразу после терактов 11 сентября, но начиная с 2003 года - после разочарования Путина в стратегическом партнерстве с Вашингтоном - политика многополярности Путина начала становиться гораздо более заметной, чем раньше.

К тому времени, когда эта статья была написана, некоторые интересные события, касающиеся евразийского курса Путина, уже произошли. Объявление Путиным собственной упреждающей доктрины вмешательства против терроризма сразу после трагических событий в Беслане, Дагестане и его новые авторитарные планы политической жизни России (например, назначение Москвой российских региональных лидеров вместо их выборов и повторное введение смертной казни для борьбы с чеченским терроризмом) интерпретировались как признаки его неоевразийского сдвига во внутренних и международных делах.

Даже если эти толкования верны, последние события не противоречат прагматичной и многополярной внешней политики президента России. Как уже отмечалось, Путин попытался использовать теракты 11 сентября для продвижения интересов России на международной арене. 11 сентября предоставило ему шанс поддержать российские экономические интересы и снизить западные критические замечания по чеченской проблеме. Собственное 11 сентября России, инцидент в Беслане, аналогично, кажется, увеличивает свободу движений Путина как в решении чеченской проблемы, так и в поддержании российской сферы влияния на Кавказе. Последние события также не должны рассматриваться как действия Путина против атлантизма или как его сближение с неоевразийством. Следует помнить, что реакция США на "доктрину Путина" была сдержанной, в то время как британский министр иностранных дел открыто поддержал доктрину, говоря, что она "понятна и не вступает в противоречие с нормами международного права". Франция и Германия также выразили условную поддержку превентивному удару Путина, утверждая, что такая доктрина должна быть в соответствии с принципами Устава ООН.

Таким образом, Путин успешно реализует свое видение многополярности, несмотря на его тесные связи с Атлантическим блоком в рамках своей системы многополярного видения, хотя это не соответствует более конфронтационному совету Дугина по внешней политике. Путин с самого начала своего президентства действовал прагматично и реалистично оценивал соотношение сил между российским, англо-американским, европейским и китайским «полюсами», стараясь держать себя вдалеке от националистических и реакционных взглядов. В настоящее время реакции других стран на его недавнюю доктрину также доказывают, что многополярность Путина может создать пространство для маневра для российской внешней политики. Если бы он следовал более конфронтационной позиции по отношению к Атлантическому блоку, нынешняя доктрина Путина, возможно, возобновила политическую напряженность между Россией и США, принесла конфронтацию, которую Москва будет не в состоянии преодолеть из-за расширенного мощного разрыва между собой и Вашингтоном.